

ISSN: 2219-8229
E-ISSN: 2224-0136
Founder: Academic Publishing House *Researcher*
DOI: 10.13187/issn.2219-8229
Has been issued since 2010.

European Researcher. International Multidisciplinary Journal

Philological Sciences

Филологические науки

UDC 81/39

Ethnic and National Features of Paronyms Use in Phrase Formation of Ukrainian and Other Languages

Alla V. Grebenyuk

National Pedagogical Dragomanov University, Ukraine
Graduate
E-mail: alla7979@meta.ua

Abstract. The article is focused on the determination of ethnic and national features of paronyms use in Ukrainian and other languages. Special attention is attached to the relation of phrase formation, when patronymic units act as phrase productive, to Slavic history, culture and traditions.

Keywords: paronym; patronymic unit; zoophareseological unit; phraseological unit with component-paronym; phrase formation; phraseological unit component.

Введение. На стыке тысячелетий всё актуальней становится отдельная часть этнолингвистики – лингвокультурология, которая изучает и описывает корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии, исследует живые коммуникативные процессы и связь речевых выражений с менталитетом народа. Наилучшим образом эти связи возможно проследить на примере зоофразеологизмов (ЗФ), которым присущ культурологический признак и которые представляют культуру, тесно связаны с аксиологичностью, обусловлены моральными правилами народа. Определяющую роль в фразеологических единицах (ЗЕ) с зоосемическим компонентом (ЗК) играют фаунонимы и партонимы, которые несут в себе смысловой заряд, благодаря фразеотворческим свойствам формируют ЗФ.

Обсуждение. Отдельные вопросы взаимосвязи языка и культуры, языка и менталитета, языка и народного творчества, семантику речевых единиц вообще и национально-культурную специфику фразеологических единиц рассматривали в своих трудах А. Потебня, Н. Сумцов, И. Франко, Н. Костомаров, позже Н. Алефиренко, В. Гнатюк, Б. Гринченко, В. Иванов, Н. Максимович, Р. Зоривчак, Л. Скрипник, В. Ужченко, В. Билоноженко. Историю возникновения зооморфных верований древних народов исследовал Дж. Фрезер [1], выводы которого совпадают с утверждением о влиянии экономических условий развития на формирование фразеологии. В этом же контексте советских учёных интересовали, в первую очередь, социально-экономические аспекты тотемистических верований древних людей [2, 3, 4].

Основатель структурного анализа К. Леви-Стросс считал, что в тотемизме следует видеть продолжение культа предков [5], что подтверждает влияние на фразеопроизводство

культурных особенностей этноса. В этом же ключе лежит интерпретация тотемизма З. Фрейда, согласно которой тотем – это животное, которое пребывает в некотором отношении ко всему роду [6]. В связи с этими представлениями мясо и кожа одних животных стали табу для славян (бобры, кони, пресмыкающиеся), употребление мяса или жертвоприношение других представителей фауны (кабанов, рогатого скота) считалось желанным сакральным предкам [7, 8, 9]. Такие особенности обусловили возникновение многочисленных зоофразеологизмов украинского языка с фразеоактивными зоосемическими компонентами *бик (бык), віл (вол), кабан, свиня (свинья), коза, віця (овца)*, а также партонимическими единицами *роги (рога), сало, кров (кровь), шкура, хутро*, имеющими свойствами зависимости от ЗК в ЗЕ или же семантической самостоятельности, придающими ЗФ дополнительных окрасок, уникальных смысловых оттенков. Впрочем, изучение литературы, анализ источников свидетельствует, что семантика именно партонимов, этнонациональные особенности её выражения остаются недостаточно исследованными вопросами.

Учитывая изложенное, цель этой статьи – на основе анализа этнокультурных факторов в зоофразеологии украинского и других языков определить этнонациональные особенности использования в них партонимов.

Обсуждение. Кроме свойств зависимости или самостоятельности, каждый партоним в любом языке имеет свою символичность, за ним закреплено некоторый стереотип, воображаемый образ, отождествлённый с явлениями бытия человека и обусловленный своеобразными особенностями быта, хозяйственной деятельности, культуры фразеопроизводителей.

В значительной мере самостоятельность сохраняет партоним *крила (крылья)*. В то же время, участвуя в фразеотворении других языков, эта ПЕ имеет отличительные символические значения, что подтверждает этнонациональные отличия использования партонимов. Так, если этот партоним украинцами аналогизируется с наличием или потерей уверенности, энергии, силы (*виросли крила – кто-то чувствует прилив сил [10]*), то афганцами – з трудоспособностью, занятостью, реализованностью (*Человек без труда – орел без крыльев [11]*), армянами – с дружбой, поддержкой коллектива (*Птица сильна крыльями, человек – друзьями [11]*). Символ дружбы закрепляют за этой ПЕ также казахи (*Сила птицы – в крыльях, сила человека – в дружбе [11]*).

Партонимической единице *хвіст (хвост)* в украинском языке характерны значения сплетничества (*Як сорока на хвості розносить, рознесла*), малого количества чего-то (*Заячий хвіст*), плохого качества (*Як з собачого (телячого) хвоста сито. Хоч на (під) хвіст собаці лий*) [10]. В свою очередь, в азербайджанском языке партоним *хвост* может символизировать гражданский долг, а в соединении с ЗК *конь* – ненадлежащую реализацию социальной роли (*Плохому коню и хвост тяжёлый*), в английском – заносчивость, неблагодарность, завышенную самооценку (*Чем больше гладит кота, тем больше он подымает хвоста*), корейском – никчёмность (*Голова дракона, а хвост вороны*), литовском – слабость (*Твою работу кот на хвосте донесёт*), чешском – соответствие меркам, полноценности (*Человек без чести – как пёс без хвоста*) [11].

Аналогичное значение партонима *хвост*, присущее украинскому языку, существует в молдавском (*С собачьего хвоста не сделаешь шёлкового сита* – плохое качество [11]) и немецком (*Привязали сороке к хвосту* – сплетничество [11, 12]) языках. Такое совпадение символизма объясняется распространением этих животных на территории проживания этих народов, однообразными проявлениями поведения животного мира европейского континента.

В той же время, в продемонстрированных ЗФ партоним *хвост* зависим от ЗК, а в украинском языке он способен приобретать семантическую самостоятельность, проявлять себя в большей интенсивности стереотипизации.

Особое значение в фразеотворении украинского языка имеют партонимы *ріг, роги, шия, (рог, роги, шея)*, символизирующие силу, непокорённость, иногда величие, мощь (*Виставляти роги. Лізти на роги. Наскочити самому чорту на роги. Показати роги. Має волячу шию*). Неслучайно Новгород-Сиверский князь Всеволод Святославич был назван в «Слове о полку Игореве» «буй-туром» [9, 13]. Причина этого состоит в уважительном

отношении к тотемам, представленных у наших предков *быком*, его диким родственником – *туром*, или же иногда *козой*.

Культ рогатого скота, предка-тура в частности, от которого зависели удача на охоте, возник, вероятно, ещё у догосударственную эпоху. Неизвестный восточный географ IX в. сообщает о существовании у вятичей культа быка [14]. Отдельные атрибуты бога-быка существовали у воинственных богов полабских славян [15, 16]. На Руси были известны гидронимы Волотур, Воловье Око, город Турово – один из наибольших восточнославянских городов. В Киеве на Подоле находился языческий храм «Турова божница», на месте которого позже построена христианская церковь [17]. Обрядовые действия на честь тура и козы (вождение козы) проводились в крестьянской среде почти до XVIII в. Славянская вставка к «Левитике» (источник XVI ст.) называет Тура языческим богом, которого поминают во время праздника Коляды [18].

Лишь позже появились зоофразеологизмы, в которых уже допускалось менее уважительное отношение к тотему в связи с христианизацией Руси (*Взяти бика за роги. Може волів роги скрутити. Волів шию скрутити* [10]) и которых в сравнении с указанными выше ЗФ меньше. Впрочем, даже в этих зоофразеологических единицах информанты в тесной связи ЗК *віл, бик* (*вол, бык*) и партонима *роги* (*рога*) всё же демонстрируют своё уважительное отношение к зооморфному предку, подчёркивая, что победить вола может только исключительно сильный человек.

В то же время, у других народов партонимическая единица *рога* в фразеопроизводстве отображает в большей мере технологические процессы и не указывает на этнонациональные истоки. Так, у колумбийцев существует зоофразеологизм *Хватай быка за рога* (в значении – берись за главное), а у японцев – *Равняли быку рога, а свернули шею* (неосторожность) [11].

Другим тотемом наших предков был *кабан*. Подобно быку, кабан считался в восточных славян одним из символов мужского начала, жизненной силы. Руян или кабан представлял Святовида и мог предсказывать войны [15]. О культе этого животного свидетельствуют найденные в Поднепровье дубовые столбы – идолы VIII-IX в., в которые были вставлены кабаньи зубы [8].

Также, как и в случае с ЗК *віл* (*вол*), анималистический концепт *свиня* (*свинья*), *кабан* утратил своё ритуализированное значение в зоофразеологизмах после христианизации Киевской Руси. Почитание бывших тотемов, а потому и уважительное использование этих фаунонимов осуждалось церковными лидерами [19, 20]. Свинья вообще называлась нечистым животным.

Впрочем, как видим на примере партонимов *шия* (*шея*), *роги* (*рога*), эти ПЕ, семантически самостоятельные или зависимые от концепта *віл* (*вол*), *бик* (*бык*) сохранили своё первоначальное значение, обусловленное не христианскими, а именно этнонациональными (культурными) особенностями их использования, отсутствующими у других, неславянских народов. То же происходит с партонимом *сало*, который обозначает зажиточность, беззаботность. В частности, в ЗФ *Як бобер у салі*, где ЗК *бобёр* самостоятельно символизирует успешного хазяина, партонимическая единица *сало* независимо от фаунонима профилирует богатство, стабильность. Аналогичное значение производит эта ПЕ в зоофразеологизмах *Вбиватися, вбитися в сало; Обростати, обрости салом* [10].

Хотя в этих зоофразеологических единицах зоосемы *кабан, свинья* не фигурируют, связанность партонима *сало* с ними очевидна, что подтверждается ЗФ *На комариному салі* (постный, немащеньй). В этом фразеологизме партоним связан с анимализмом *комар*, из-за чего не производит значения зажиточности [10].

О торжественном употреблении мяса свиней во время славянских праздников и ритуалов сообщается в летописях и былинах. Кости свиней найдены в жертвенных ямах многих славянских языческих храмов, а зубы использовались в виде амулетов [8, 21]. Тела свиней использовали в качестве строительной жертвы [22]. Верования и обряды наложили свой этнонациональный отпечаток на фразеопроизводство.

Также почти до начала XX в. во всех областях восточнославянского мира верили в то, что кровь убитого кабана можно принести в жертву, а также она оберегает от нечистой силы, её обычно брызгали в огонь [17]. В результате таких верований появились фразеологизмы с

партонимической единицей *кров* (*кровь*): *Змити кров'ю* – искупить что-либо; *Политий кров'ю* – искуплённый, полученный за жертву, отвоёванный, добыт усилиями [10].

К зооморфным предкам славян принадлежат также представители мелкого рогатого скота (овца, коза). Традиции выражаться в шкуру, мех этих тотемных животных при проведении свадебных, других семейных, новогодних обрядов широко продемонстрированы в украинских зоофразеологизмах. Так, партоним *шкура* в соединении с зоосемическим признаком *овеча* (*овечья*) в зоофразеологизме *Сісти (одягти, положити) на овечу шкуру* обозначает покой, стабильность, зажиточность, которых желали молодожёнам в семейной жизни, хозяевам – на новый год, крестнику, которого укладывают после крещения именно на овечью шкуру [10].

Исследователи доказывают, что овца и коза – тотемное животное также для белорусов и поляков [23]. На праздник Нового года они, как и украинцы, водят козу. В поляков существует также обряд последнего снопа, называющийся «срывать козу» и связанный с соответствующим фразеопроизводством (*Срывать козу* – добывать богатство, завершать дело [11]). Учитывая иные, чем у славянских народов, культурные истоки и этнонациональные особенности фразеопотребления, у румынов фауноним *овца, коза* профилирует лень, в связи с чем возник румынский зоофразеологизм *Ленивой овце (козе) и своя шерсть тяжела* [11].

Часть исследований считает, что волк, наравне с козой, принадлежит к тотемным животным племён, сформировавших славянские народы. Среди них – О. Знойко, В. Давидюк, Г. Лозко, М.-Л.А. Чепя [23, 24, 25]. В тех регионах, где волк выступает тотемом, во время новогоднего народного представления вождения козы на праздник Щедрого вечера щедровальники рядились не только в шкуру козы, но и в шкуру волка [26]. Этнографами записано на Черниговщине песню при щедровечернем вождении козы, где вспоминается также и волк [27]. А рассказы о Полоцком князе Всеславе Вещем, которого считали язычником, появившимся неожиданно в виде волка, перекликаются с зоофразеологизмами *Прийти сірим вовком, З'явитись у вовчій шкурі* (тихо, незаметно) [25]. С учётом таких этнонациональных особенностей культуры, анималистический концепт *вовк* (*волк*) и связанные с ним партонимы *вухо, око* (*ухо, глаз*) приобрели активную символизацию и проявили себя в интенсивной фразеопродуктивности: *Впіймати вовка за вухо, Вовчим оком дивитися* [10].

В силу общности культур, зоофразеологизмы, имеющие в своём составе фразеоактивные фаунонимы *волк* и соединённые с ним партонимические единицы, присутствуют в белорусском (*Шутил волк с конём, а в пригоршине зубы унёс*) и латышском (*Что у волка в зубах, с тем попрощайся*) языках [11]. Тотемным животным волк был также для сербов и болгар, что отобразилось даже в именах людей (*Вук, Вукашин* (серб.), *Ивейло* (болг.)) [28].

Менее уважительное отношение к другим животным, нетотемным для наших предков, наблюдаем в украинских зоофразеологизмах *Не з заячого пуху* (*заячий пух* – признак труса), *На риб'ячому хутрі, Як у карася вовни* (*рибий пух* символизирует бедность, в первую очередь одежды) [10]. В отличие от славян, зайцу поклонялись африканские народы, от него происходила сама смерть и зависело будущее человечества, это яркий представитель образа *трикстера* – хитреца, а также победителя Луны, которой он в драке оставил глубокие шрамы, видимые даже с Земли (*ЗФ Побитий зайцем* – тот, кто получил значительные увечья) [29]. Китайцы считали зайца символом тёмного инь [30]. А у древних армян существовало божество Джраарс в виде женщины-рыбы [31].

В виду иных климатических, социально-экономических условий развития, отличной фауны, быта и культуры, в украинском языке отсутствуют зоофразеологизмы с зоосемическим компонентом *верблюд* и партонимом *горб*, актуальные для армянского языка (*Верблюд своего горба не видит* [11]), *тигр* и *лапы* – для корейского языка (*И в лапах тигра уцелееш, если не растеряешся* [11]).

Китайцы партонимом *шкура* в соединении с фаунонимом *змея*, обозначавшим, вероятно, тотемное животное, выражают символ красоты, совершенства (*Красота змеи – в её шкуре, красота человека – в его сердце* [11]). А в украинском языке с этим анималистическим концептом, не наделённым в национальной культуре свойствами оберега, связаны исключительно негативные значения (*Вигодувати змію коло серця, за*

пазухою. Допитись до блакитного, зеленого змія [10]), а партонимы в составе ЗФ вообще не участвуют.

Заключение. Таким образом, этнонациональные особенности, сформировавшиеся в своеобразных социально-экономических, общественно-политических и культурных условиях, имеют общий характер для славянских народов, зачислявших в древности к членам своих родов тотемных животных *кабана, вепря, быка, вола, козу, овцу, волка*. Зоосемические компоненты, обозначающие этих животных, одинаково фразеоактивные в фразефондах славянских языков.

Особенности использования анималистических концептов и ПЕ в значительной мере обусловлены дохристианскими обрядовостью, обычаями и верованиями, тотемизмом. Их употребление связано с ритуальностью и почитанием их носителей – хранителей славянских племён.

Христианский период внёс свой вклад в развитие зоофразеологии. Идолы, тотемные изображения уничтожались, менялись особенности употребления анималистических концептов, ранее обозначающих животных-предков, оберегов рода. В связи с этим возникают зоофразеологизмы, в которых эти фаунонимы представляют негативные черты характера, поведение. Универсальными, одинаково популярными для христианских народов, разных по этнокультурным признакам, становятся ЗФ *агнец Божий; метать бисер перед свиньями; грязная (нечистая) свинья; Божий телок*.

Тем не менее, наследие дохристианского, общеславянского периода, определяющего этнонациональные особенности зоофразеопотребления, сохранилось в семантике партонимических единиц (*рога, кровь, шкура, сало (мясо), шея, хвост*), непосредственно не обозначающих поганских божеств, а потому их использование не подлежало искоренению церковью.

В то же время, не относятся к фразеоактивным, учитывая отличия в формировании этнонациональных особенностей, анималистические концепты, обозначающие чужеродных тотемных животных: *заяц* (африканские народы, китайцы); *змея* (китайцы); *рыба, верблюд* (армяне); *тигр* (корейцы). Фразеоактивность таких единиц, как *вол, бык, тур, свинья, шея, рога, коза, овца* у колумбийцев, японцев, румын обусловлена социально-экономическими обстоятельствами, скорее технологическими, а не этнонациональными особенностями.

Результаты данного исследования также свидетельствуют о том, что партонимические единицы в украинском (славянском) фразеопотреблении в большей мере семантически самостоятельные, чем в других языках, что указывает на признаки большей сложности фразеотворческого процесса в условиях столкновения этнонациональной (древнеславянской) и христианской (космополитической) культур. Противостояние этих культур обусловило также то, что партонимы в украинском языке не только придают зоофразеологизмам дополнительных окрасок их значений, уникальных смысловых оттенков, но и отображают этнонациональные особенности украинского фразеопроизводства, утраченные зоосемическими компонентами, употребляемыми в ЗФ самостоятельно.

Примечания:

1. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследования магии и религии / Д.Д. Фрезер. М. : Политиздат, 1983. 703 с.
2. Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов / Д.К. Зеленин. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1937. 78 с.
3. Золотарев А. Пережитки тотемизма у народов Сибири / А. Золотарев. Л. : Наука, 1934. 263 с.
4. Токарев С.А. Ранние формы религии / С.А. Токарев. М. : Политиздат, 1990. 621 с.
5. Леви-Стросс Клод. Первобытное мышление / Клод Леви-Стросс. М., 1994. 754 с.
6. Фрейд Зигмунд. Тотемы и табу / Зигмунд Фрейд // Я и Оно. М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2002. С. 363–529.
7. Івакін В.Г. Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Києва / В.Г. Івакін. К. : Кит, 2008. 271 с.
8. Боровский А.Е. Мифологический мир древних киевлян / А.Е.Боровский. К. : Наукова думка, 1982. 103 с.
9. Моця О.П. Київська Русь від язичництва до християнства / О.П.Моця, В.М.Ричка. К. : Глобус, 1996. 272 с.

10. Словник фразеологізмів української мови / В.М.Білоноженко, І.С.Гнатюк, В.В.Дятчук та ін.; за ред. В.М.Білоноженко. К. : Наукова думка, 2008. 1104 с.
11. Що не край, то свій звичай: Прислів'я та приказки народів світу / уклад. : Л.Вознюк. Тернопіль : Підручники та посібники, 2008. 224 с.
12. Німецько-український, українсько-німецький словник / уклад. : О.Дубина, Л.Вознюк. Тернопіль : Підручники і посібники, 2007. 224 с.
13. Слово о полку Игореве / Вступительная статья и редакция текста И.Глазунова. СПб., 1897. 22 с.
14. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. / Б.А.Рыбаков. М., 1982. 342 с.
15. Thietmari. Chronikon Slavorum / Thietmari. Lublin, 1902. 1018 s.
16. Костомаров М.І. Слов'янська міфологія. Вибрані праці з фольклористики і літературознавства / М.І. Костомаров. К. : Либідь, 1994. 384 с.
17. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А.Н. Афанасьев. М., 1865. Т. 1. 800 с.
18. Истрин В.М. О Левиотике / В.М.Истрин // Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках И.И. Срезневского : Сборник ОРЯС. 1987. Т. 12. Ч. 1. С. 314-316, 313-314.
19. Иннокентий Гизель. Синопис / Иннокентий Гизель // Давня українська література : хрест. К. : Утворення, 1996. С. 177.
20. Чулков М.Д. Абевера русских суеверий / М.Д.Чулков // Сказания о чудесах. - М. : Наука, 1990. Т. 1. 506 с.
21. Тимошук Б.А. Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины / Б.А.Тимошук, И.П.Русанова, Л.П.Михайлина. М. : Советская археология, 1981. - 312 с.
22. Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии / Н.А.Иваницкий // Сборник сведений для изучения крестьянского быта населения России. - М., 1890. Вып. 2. С. 1-231.
23. Лозко Г. Українське народознавство / Г.Лозко. Тернопіль : Мандрівець, 2011. 512 с.
24. Давидюк В. Первісна міфологія українського фольклору / В.Давидюк. Луцьк : Волинська книга, 2007. 324 с.
25. Чапа М.-Л. А. Вовк – звір із вір і казок українських / М.-Л. А.Чапа // Проблеми загальної та педагогічної психології. 2005. Вип. 4. С. 309-315.
26. Скуратівський В. Дідух / В.Скуратівський. К. : Освіта, 1995. 272 с.
27. Пісенний вінок: українські народні пісні з нотами / упоряд. А.Я. Михалко. К. : Криниця, 2009. 649 с.
28. Махній М.М. Історія психології: Психологічна думка стародавнього світу : навч. посіб. / М.М.Махній, М.А.Скок. Чернігів, 2001. 100 с.
29. Вернер Э. Мифы народов Африки / Э.Вернер ; пер. с англ. Т.Е.Любовской. М. : ЗАО Центрполиграф, 2007. 255 с.
30. Самозванцев А.М. Мифология Востока / А.М.Самозванцев. М. : Алетея, 2000. 340 с.
31. Тер-Саркісянц. Вірмени: історія та етнокультурні традиції / Тер-Саркісянц. К. : Восточная литература, 1998. 394 с.

References:

1. Frezer D.D. Zolotaya vetv'. Issledovaniya magii i religii / D.D. Frezer. M. : Politizdat, 1983. 703 s.
2. Zelenin D.K. Totemy-derev'ya v skazaniyakh i obryadakh evropeiskikh narodov / D.K. Zelenin. M.-L. : Izd-vo AN SSSR, 1937. 78 s.
3. Zolotarev A. Perezhitki totemizma u narodov Sibiri / A. Zolotarev. L. : Nauka, 1934. 263 s.
4. Tokarev S.A. Rannie formy religii / S.A. Tokarev. M. : Politizdat, 1990. 621 s.
5. Levi-Stross Klod. Pervobytnoe myshlenie / Klod Levi-Stross. M., 1994. 754 s.
6. Freid Zigmund. Totemy i tabu / Zigmund Freid // Ya i Ono. M. : EKSMO-PRESS, 2002. S. 363–529.
7. Ivakin V.G. Khristiyans'ki pokhoval'ni pam'yatki davn'orus'kogo Kieva / V.G. Ivakin. K. : Kit, 2008. 271 s.
8. Borovskii A.E. Mifologicheskii mir drevnikh kievlyan / A.E.Borovskii. K. : Naukova dumka, 1982. 103 s.
9. Motsya O.P. Kiivs'ka Rus' vid yazichnistva do khristiyanstva / O.P.Motsya, V.M.Richka. K. : Globus, 1996. 272 s.
10. Slovník frazeologizmiv ukraïns'koï movi / V.M.Bilonozhenko, I.S.Gnatyuk, V.V.Dyatchuk ta in.; za red. V.M.Bilonozhenko. K. : Naukova dumka, 2008. 1104 s.
11. Shcho ne krai, to svii zvichai: Prisliv'ya ta prikazki narodiv svitu / uklad. : L.Voznyuk. Ternopil' : Pidruchniki ta posibniki, 2008. 224 s.
12. Nimets'ko-ukraïns'kii, ukraïns'ko-nimets'kii slovník / uklad. : O.Dubina, L.Voznyuk. Ternopil' : Pidruchniki i posibniki, 2007. 224 s.
13. Slovo o polku Igoreve / Vstupitel'naya stat'ya i redaktsiya teksta I.Glazunova. SPb., 1897. 22 s.

14. Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. / B.A.Rybakov. M., 1982. 342 s.
15. Thietmari. Chronikon Slavorum / Thietmari. Lublin, 1902. 1018 s.
16. Kostomarov M.I. Slov'yans'ka mifologiya. Vibrani pratsi z fol'kloristiki i literaturoznavstva / M.I. Kostomarov. K. : Libid', 1994. 384 s.
17. Afanas'ev A.N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu : v 3 t. / A.N.Afanas'ev. - M., 1865. T. 1. 800 s.
18. Istrin V.M. O Leviotike / V.M.Istrin // Sveden'ya i zametki o maloizvestnykh i neizvestnykh pamyatnikakh I.I. Sreznevskogo : Sbornik ORYaS. 1987. T. 12. Ch. 1. S. 314-316, 313-314.
19. Innokentii Gizel'. Sinopsis / Innokentii Gizel' // Davnya ukrains'ka literatura : khrest. K. : Utvorenniya, 1996. S. 177.
20. Chulkov M.D. Abevega russkikh sueverii / M.D.Chulkov // Skazaniya o chudesakh. - M. : Nauka, 1990. T. 1. 506 s.
21. Timoshchuk B.A. Itogi izucheniya slavyanskikh pamyatnikov Severnoi Bukoviny / B.A.Timoshchuk, I.P.Rusanova, L.P.Mikhailina. M. : Sovetskaya arkhheologiya, 1981. - 312 s.
22. Ivanitskii N.A. Materialy po etnografii Vologodskoi gubernii / N.A.Ivanitskii // Sbornik svedenii dlya izucheniya krest'yanskogo byta naseleniya Rossii. - M., 1890. Vyp. 2. S. 1-231.
23. Lozko G. Ukrains'ke narodoznavstvo / G.Lozko. Ternopil' : Mandrivets', 2011. 512 s.
24. Davidiyuk V. Pervisna mifologiya ukrains'kogo fol'kloru / V.Davidiyuk. Luts'k : Volins'ka kniga, 2007. 324 s.
25. Chepa M.-L. A. Vovk – zvir iz vir i kazok ukrains'kikh / M.-L. A.Chepa // Problemi zagal'noi ta pedagogichnoi psikhologii. 2005. Vip. 4. S. 309-315.
26. Skurativs'kii V. Didukh / V.Skurativs'kii. K. : Osvita, 1995. 272 s.
27. Pisennii vinok: ukrains'ki narodni pisni z notami / uporyad. A.Ya. Mikhalko. K. : Krinitsya, 2009. 649 s.
28. Makhnii M.M. Istoriya psikhologii: Psikhologichna dumka starodavn'ogo svitu : navch. posib. / M.M.Makhnii, M.A.Skok. Chernigiv, 2001. 100 s.
29. Verner E. Mify narodov Afriki / E.Verner ; per. s angl. T.E.Lyubovskoi. M. : ZAO Tsentrpoligraf, 2007. 255 s.
30. Samozvantsev A.M. Mifologiya Vostoka / A.M.Samozvantsev. M. : Aleteia, 2000. 340 s.
31. Ter-Sarkisyants. Virmeni: istoriya ta etnokul'turni traditsii / Ter-Sarkisyants. K. : Vostochnaya literatura, 1998. 394 s.

УДК 8/39

Этнонациональные особенности использования партонимов в фразеопроизводстве украинского и других языков

Алла Васильевна Гребенюк

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, Украина
аспирант
Домашний адрес: г.Киев, ул.Трутенка, 7, кв. 163
E-mail: alla7979@meta.ua

Аннотация. Статья посвящена определению этнонациональных особенностей использования партонимов в фразеопроизводстве украинского и других языков. Особое внимание обращено на связь фразеопроизводства, в котором фразеопродуктивными выступают партонимические единицы, с древнеславянской историей, культурой и традициями.

Ключевые слова: партоним; партонимическая единица; зоофразеологизм; фразеологизм с компонентом-партонимом; фразеобразование; составляющая фразеологизма.